

Отзыв

УДК 343.9:343.61 ББК 67.51 + 67.408.111.1

О Т З Ы В

официального оппонента на диссертационную работу:

Суходольская Ю.В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования: дис... канд. юрид. наук. М., 2024.

210 с.

Стешич Елена Сергеевна

Академия управления МВД России (д. 8, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 125993, Москва, Российская Федерация)

Доктор юридических наук, доцент

ORCID: 0000-0001-8047-2697

esteshich@mail.ru

REVIEW

Official opponent for dissertation work:

Sukhodolskaya Yu.V. Mass murder in educational organizations as an object of criminological research: Dis ... Cand. Yurid. sciences. M., 2024. 210 p.

Steshich Elena Sergeevna

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

esteshich@mail.ru

Актуальность темы рецензируемой диссертационной работы вызывает сомнения.

Одну из ключевых позиций в обеспечении безопасности личности, общества и государства занимает эффективное предупреждение насильственной преступности. Несмотря на существование и, безусловно,

положительное влияние факторов общественного развития на сокращение насилия, его тенденции остаются неоднозначными.

Согласно официальным данным, общее число преступлений в нашей стране с 2010 по 2023 гг. снизилось на 1/4 (с 2,6 млн. до 1,9 млн.), в частности, произошло уменьшение числа убийств (и покушений на убийство) на 53,4 % (с 15,6 тыс. до 7,5 тыс.), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью на 60,1 % (с 39,7 тыс. до 16,7 тыс.). Число погибших от преступных посягательств в России за последние более, чем 20 лет сократилось в 3,7 раза (с 2000 по 2023 год – с 76,7 до 21,0 тыс. человек)¹.

Между тем, массовые расстрелы, ранее регулярно повторяющиеся в США, к сожалению, вошли и в российскую криминальную практику, подтверждая тем самым появление негативных явлений, свойственных западному обществу. По сведениям общего характера, почерпнутым из СМИ, можно сделать вывод о том, что "массовые расстрелы" совершали лица, испытывающие жизненную фрустрацию, озлобленные на всех вокруг или отдельные социальные группы (соученики, учителя, сослуживцы, сотрудники правоохранительных органов, соседи) и таким образом, мстящие якобы "виновным" в их неудавшейся жизни. Этот вывод вполне коррелирует с ростом в обществе напряженности, психопатизации, агрессивности конфликтности, выливающейся в драки в общественном транспорте, кровавые стычки между участниками дорожного движения, немотивированные уличные убийства, суициды (в том числе и групповые) несовершеннолетних и молодежи, жестокие избиения подростками людей или убийства животных с видеофиксацией и последующим выкладыванием в интернет, массовые расстрелы, совершаемые ими же.

Достаточно сказать, что в советский период было зафиксировано всего три случая нападений в образовательных организациях, при этом с 1993 г. по 2024 год имели место не менее 40 эксцессов в школах и иных учебных

¹Данные из формы федерального статистического наблюдения №1 –ЕГС «Единый отчет о преступности» // URL: [http:// epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics](http://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics)

заведениях с применением огнестрельного и пневматического оружия, взрывчатых веществ, ножей, молотков. Известность приобретают только наиболее «резонансные дела», связанные с огнестрельным оружием и большим количеством жертв, при этом корень зла видят в самом оружии, его небрежном хранении или «неверно» выданной справке на владение оружием. Между тем, как показывают криминологические исследования, ужесточение запретительных норм в сфере законного оборота оружия не способно повлиять на предупреждение массовых расстрелов, причины которых имеют социально-психологический фундамент [1, с. 248-256; 2, с.15-149, 3, с. 26-180; 4, с. 128-136].

И этот комплекс факторов достаточно исследован отечественными учёными. Профессор И.И. Карпец, возглавлявший более десяти лет Главное управление уголовного розыска МВД СССР, а в последствии - директор НИИ проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, на современной базе которого подготовлено настоящее диссертационное исследование, более сорока пяти лет назад писал: «Человек, особенно юный, испытывает массу неформальных влияний, вступает во множество неформальных связей. Поэтому бывает, что неблагоприятная обстановка в семье может быть нейтрализована сторонними положительными влияниями. И наоборот, родителей не всегда можно обвинить в том, что они, мол, воспитывали «трудного подростка». Не «трудного» подростка они воспитали – сына или дочь растили, как умели. Но отрицательное стороннее влияние оказалось сильнее того хорошего, что было в семье. Мне хочется сказать это для того, чтобы при решении сложной проблемы люди не настраивались сразу на беспелляционное обвинение семьи, либо школы, либо производства, либо улицы. Не так всё просто, и по полочкам разложить, конечно, можно, но легко и ошибиться. Человеческая личность в смысле управления, наверное, ещё сложнее, чем общественный организм» [4, с. 272].

Поэтому криминологическое исследование поднимаемых в рецензируемом исследовании вопросов, в современных условиях имеет необходимую для диссертационного исследования актуальность.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций. Научные положения, выводы и рекомендации автора обоснованы анализом научной литературы и иных источников информации (149 источник, в том числе 41 на иностранном языке, судебной статистики, результатами проведенного анкетирования практических работников, в котором приняли участие 440 респондентов, из них 106 прокурорских работников, 122 члена Российской криминологической ассоциации, занимающихся научной и преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях, 102 педагогических работника средних общеобразовательных школ Московской области, 110 учащихся 10 и 11 классов средних общеобразовательных школ Московской области (с. 11 - 12 диссертации)). Основные результаты эмпирического исследования представлены в приложении: сравнительная таблица черт криминологического портрета скулшутеров (на основании вступивших в законную силу судебных приговоров и постановлений, постановлений органов предварительного расследования и данных психолого-психиатрических экспертиз), сравнительная таблица механизма преступного поведения скулшутеров (на основании вступивших в законную силу судебных приговоров и постановлений, постановлений органов предварительного расследования и данных психолого-психиатрических экспертиз), результаты опроса педагогических работников средних общеобразовательных организаций Московской области о причинах совершения актов скулшутинга и необходимости обязательного школьного психологического тестирования на предмет выявления склонности к актам скулшутинга; результаты опроса экспертов Общероссийской общественной организации «Российская криминологическая ассоциация им. А.И. Долговой», результаты опроса прокурорских работников (с. 178-211 дисс.).

Достоверность эмпирических данных обеспечивается представленным инструментарием, методикой их проведения, сопоставимостью с результатами иных, опубликованных исследований (их вторичный анализ на основе теоретической базы диссертации). Результаты эмпирического исследования широко приводятся в тексте для аргументации авторской позиции.

Новизна диссертационного исследования заключается в совершенствовании криминологических знаний о феномене массовых убийств в образовательных организациях, в том числе представлен причинный комплекс массовых убийств в образовательных организациях, действующий на уровне макро- и микросреды, составлен криминологический портрет массовых убийц и лиц, склонных к совершению рассматриваемой категории преступлений. Автором предложено к введению в научный оборот понятие «массовое убийство в образовательной организации», разработаны критерии, позволяющие разграничить убийства, сходные по объективной стороне, предложены основные направления совершенствования деятельности по предупреждению преступлений рассматриваемого вида, методики для выявления лиц, склонных к совершению массового убийства в образовательных организациях (с. 12 - 19 дисс.).

Основные результаты диссертации нашли свое отражение в докладах диссертанта на научно-практических конференциях и научных семинарах, а также в 16 научных статьях, 7 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Материалы исследования используются в учебном процессе кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых при подготовке учебно-методических материалов и проведении занятий по дисциплине «Криминология» (2022 г.), а также в учебном процессе кафедры уголовного права, уголовного процесса и

криминалистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» при проведении семинаров по дисциплине «Криминология» (2022 г.) (с. 19 - 20 дисс.).

Структура исследования соответствует объекту диссертационного исследования, его предмету, поставленным перед диссертантом целям и задачам. Она включает введение, три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение, список использованных источников и восемь приложений с результатами эмпирического исследования.

Предметное ознакомление с текстом рецензируемой диссертации позволяет прийти к выводу о том, что основные выводы и предложения, а также положения, выносимые для публичной защиты (с. 8 – 13 дисс.) обосновываются изученной судебной практикой и результатами проведенных автором эмпирических исследований.

Во *Введении* Суходольская Ю.В. обращает внимание на тот факт, что за последние несколько лет в российских образовательных учреждениях зафиксирована неблагоприятная тенденция совершения массовых убийств, когда жертвами становятся учащиеся, педагоги, сотрудники правоохранительных органов, пытающиеся обезвредить преступника, как правило, ученика или студента учебного заведения, являющегося местом совершения преступных действий. Автор обращается к понятию «скулшутинг» и его истории, указывает что он становится социально-поведенческой моделью для разрешения конфликтов в образовательных организациях .

Глава первая диссертации посвящена раскрытию феномена массовых убийств в образовательных организациях с точки зрения социологии и криминологии (с. 22 – 62 дисс.)

В *первом* параграфе: «Массовое убийство в образовательных организациях как социальный продукт подражания для потенциальных преступников», автор констатирует тот факт, что российское общество становится свидетелем распространения нового социального и

криминологического феномена, требующего разработки научных концепций для выработки предупредительных мер борьбы (с. 22 – 34 дисс.). В частности, он отмечает, что термины «массовое убийство в образовательных организациях» и «скулшутинг» являются синонимами. По результатам проведенного анализа сделаны выводы о значимой роли в популяризации скулшутинга современного медиаландшафта, создаваемого СМИ, интернет-публиками, специализированными форумами. Благодаря ряду деструктивных интернет-движений акты массового расстрела в образовательных организациях воспринимаются молодежью не как трагедия, а как интересная тема для обсуждения (с. 33 дисс.).

Во *втором* параграфе рассматривается *международный опыт определения признаков и распространённости социального феномена массовых убийств в образовательных организациях*, в котором на основе компаративного метода автор демонстрирует современные подходы к пониманию изучаемой формы общественно опасного поведения (с. 34 – 41 дисс.).

В ходе рассуждений, автор называет основной критерий для отнесения криминологами зарубежных государств преступления к массовому убийству - это количество лиц, погибших вследствие преступных действий, которое должно составлять не менее четырех человек. Диссертант предлагает применять критерий угрозы причинения смерти или причинения смерти многим лицам (с. 23, 40 дисс.).

В *третьем* параграфе первой главы диссертации автор обращается к криминологическим критериям отнесения насильственных преступлений к массовому убийству, а также отграничению массовых убийств в образовательных организациях от преступлений экстремистской и террористической направленности, указывая на результаты эмпирического исследования, согласно которому в большинстве случаев совершения актов скулшутинга в российских образовательных организациях преступники проявляли интерес к массовым «школьным расстрелам», однако не являлись

активными участниками интернетпабликов, пропагандирующих идеологию «Колумбайна» (с. 55 дисс.)

Во *второй главе* диссертации рассматривается «Формирование личности преступника и механизма преступного поведения в контексте совершения массового убийства в образовательных организациях» (с. 62-103 дисс.).

В *первом параграфе* (с. 62 – 88 дисс.) предложен взгляд на формирование личности преступника, совершившего массовое убийство в образовательной организации. Отмечается, что фундаментальных исследований процесса формирования личности преступника, совершившего массовое убийство в образовательной организации, в российской криминологии не представлено. На основе проведенного эмпирического исследования автор выделяет общие черты в психологическом профиле преступников.

Второй параграф (с. 88 – 103 дисс.) содержит анализ механизма преступного поведения и факторов, детерминирующих совершение изучаемых преступлений. Основной деструктивный контент, по мнению автора, исходит из медиафокусирования на информации о массовых убийствах в образовательных организациях, что влияет на частоту совершения подобных преступлений. «Ужасающий акт инфантицида преобразуется СМИ в сенсацию, которая впоследствии является «генератором» идей у радикально настроенных подростков, грезящих о получении своей «минуты славы» в результате акта скулшутинга» - полагает автор (с. 92 дисс.). Отмечено, что в основе криминогенных деформаций личности несовершеннолетнего преступника зачастую лежит отсутствие эмоциональной близости между родителями и ребенком, непонимание круга интересов подростка, недостаток контроля либо, наоборот, его избыток (с. 94 дисс.). В результате формулируются выводы, выносимые для публичной защиты (положение № 5, выносимое для публичной защиты, с. 16 дисс.).

В *третьей главе* диссертации под названием: «Основные направления, формы и меры предупреждения массового убийства в образовательных организациях» раскрываются особенности предупреждения изучаемых

преступлений с анализом наиболее спорных теоретико-прикладных позиций (с. 103 – 151 дисс.).

Так, в *первом* параграфе (с. 103 – 118 дисс.) приводится зарубежный опыт предупреждения массовых убийств в образовательных организациях на примере Соединенных Штатов Америки. В результате анализа реализации, в частности, проекта Секретной службы и Министерства образования США 2002 г. «Инициатива безопасной школы»; исследовательских проектов Национального центра оценки угроз Секретной службы Министерства внутренней безопасности США «Безопасность колледжей и ВУЗов» 2010 г., «Безопасность в школах с применением модели оценки угроз» 2018 г., «Защита школ Америки» 2019 г. диссертант приходит к выводу о возможности внедрения зарубежных практик в отечественное правоприменение.

Во *втором* параграфе (с. 118 – 135 дисс.) автор обращается к *общему и специальному предупреждению массовых убийств в российских образовательных организациях*. В ходе критической оценки законодательства автор приходит к выводу о том, что какой-либо целевой программы, либо подпрограммы по предупреждению суицидального поведения в Российской Федерации не принято, а меры, принимаемые субъектами профилактики преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних, носят точечный характер, что недопустимо (с. 123 дисс.). Для повышения эффективности противодействия изучаемым преступлениям, автор, в том числе, обосновывает необходимость криминализации деятельности, направленной на публичные призывы, публичное оправдание и пропаганду совершения массовых убийств, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей (положение 6, выносимое для публичной защиты).

В *параграфе* третьем (с. 135 - 151 дисс.) раскрывается позиция автора по индивидуальному предупреждению массовых убийств в российских образовательных организациях, где особенное внимание отводится результатам конкретного эмпирического исследования с использованием тест-опросника

Л.Г. Почебут, ориентированного на диагностику агрессивного поведения. В результате автор обосновывает потребность обязательного психологического тестирования учащихся в образовательных организациях на предмет уровня социализации и социально психологических установок личности, уровня агрессии и склонности к насилию, что позволит, на его взгляд, осуществлять раннюю профилактику фактов суицидального поведения (положение 7, выносимое для публичной защиты).

Основные итоги диссертационного исследования подводятся в *Заключении* (с. 151– 163 дисс.).

Ознакомление с текстом диссертации и основанное на ее положениях автореферате позволяет прийти к выводу о том, что диссертация содержит комплекс отличающихся новизной научных положений, выносимых для публичной защиты, большинство из которых следует поддержать, среди которых положения: о введении в криминологический оборот определения «массовое убийство в образовательной организации» (положение №1, выносимое для публичной защиты); об установленных в ходе эмпирического исследования особенностях мотивации массовых убийств в образовательных организациях, которая позволяет разграничить составы преступлений, похожие по объективной стороне (положение №2 и 3, выносимое для публичной защиты); о криминологической характеристике личности преступника и механизме индивидуального преступного поведения (положения №4 и 5, выносимые для публичной защиты), об организационно-правовых мерах по повышению эффективности предупреждения массовых убийств в российских образовательных организациях (положения №6 и 7, выносимые для публичной защиты). Предложение о внедрении технологий искусственного интеллекта в служебную деятельность правоохранительных органов, позволяющих по ключевым словам отслеживать появление новых деструктивных пабликов и

сообществ, реагировать на терминологию («ударю, взорву, застрелю, бомба» и пр.) проходит апробацию в регионах и заслуживает одобрения².

Но, как и любое научное исследование, рецензируемый труд не лишен замечаний и (или) положений, исправление которых требует дополнительной аргументации, в частности:

1. Замечания, связанные с соблюдением грамматических правил русского языка, принято ставить в числе последних. Между тем, неточность, к сожалению, допущена в названии самого диссертационного исследования. Представляется, что словосочетание «массовое убийство» следует употребить во множественном числе, а именно «массовые убийства», ведь криминологическое исследование направлено на изучение не единичного преступления, а преступности, т.е. совокупности преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени. Как следствие, на страницах диссертации указанная ошибка повторяется, перемешиваясь с правильным употреблением: «массовые убийства в образовательных организациях» (с. 4, 15, 24, 35, 37 и др. дисс.)

2. Во втором и третьем положениях, выносимых для публичной защиты, опираясь на субъективные признаки преступления, автор выводит формулу разграничения массовых убийств в образовательных организациях со сходными по объективной стороне преступлениями экстремистской и террористической направленности, обращая внимание на тот факт, что мотивы изучаемых преступлений (скулшутинга), носят личностный характер (с. 13 – 14 дисс.). Рассуждая, он отмечает, что «в некоторых случаях российские скулшутеры не являлись участниками пабликов, распространявших идеологию «Колумбайн», но интересовались темой «школьных расстрелов», что, по мнению автора, не может быть расценено как участие в деятельности террористической организации. Многие из российских скулшутеров копировали стиль и поведение Эрика Харриса и Дилана Клиболда,

²Ямщикова Е. В школах Екатеринбурга поставят камеры и прослушку, чтобы бороться с буллингом и скулшутингом // <https://66.ru/news/hitech/244999/>

совершивших массовое убийство в школе «Колумбайн» в 1999 г., однако подражание этим убийцам не равно, по нашему мнению, участию в деятельности террористической организациями» (с. 55дисс.).

Тем самым, на наш взгляд, имеется противоречие. С одной стороны, к личностным мотивам причисляется подражание известным скулшутерам (положение № 5, выносимое для публичной защиты, с. 16дисс.), но с другой – подтверждённое материалами дела «подражание», автор считает недостаточным для признания преступления террористическим (с. 55 дисс.). Возникает вопрос: «Что должно быть для достаточности?».

Между тем, вступившим в законную силу 11 марта 2022 г. решением Верховного Суда Российской Федерации (от 02.02.2022 г.), международное молодежное движение «Колумбайн» («Скулшутинг») признано террористической организацией и его деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Из приложения № 1 к диссертации следует, что одиннадцать из двенадцати виновных в массовых убийствах/покушениях лиц, являлись подписчиками тематических интернет-пабликов «Колумбайн» (с. 178 дисс.).

Полагаем, что указанные действия, сопряженные с последующим массовым убийством в образовательной организации, после 11.03.2022 г. образуют совокупность преступлений ч. 2 ст. 205.5 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, что согласуется с руководящими разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" (пп. 9, 13, 22.6, 22.7).

3. Сложно согласиться с мнением диссертанта о том, что «субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.5 УК РФ, характеризуется только прямым умыслом. То есть обязательным элементом субъективной стороны выступает осведомленность лица о наличии вступившего в законную силу решения суда о признании организации террористической» (с. 56дисс.).

Во-первых, требования об исключительно прямом умысле в качестве основания ответственности за участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, уголовный закон не содержит (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ).

Во-вторых, широко известный из римского права принцип: «Незнание законов не освобождает от ответственности» (лат. Ignorantia juris non excusat), реализован в положениях ч. 3 ст. 15 Конституции РФ: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения», в уголовном законодательстве (ч. 1 ст. 9 УК РФ «Действие уголовного закона во времени»), дополнительно разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016 г.) "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности": «Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205.5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда» (п. 22.6).

4. Согласно смыслу работы, массовые убийства в образовательных организациях могут иметь: 1) общеуголовную направленность, 2) экстремистскую направленность, 3) террористическую направленность. В положениях № 1, 2, 3 обозначаются уголовно-правовые признаки, позволяющие их разграничить по содержанию. Между тем, по форме (семантически) наблюдается смешение.

Так, по тексту диссертации и положениях № 2 и 3, выносимых для публичной защиты, употребляется следующая формулировка: «массовое убийство в образовательных организациях (скулшутинг)». Очевидно, что автор ставит знак равенства между термином «скулшутинг» и «нападением на лиц,

находящихся в образовательной организации либо на ее территории, с применением оружия и/или предметов, используемых в качестве оружия, и/или взрывчатых веществ или взрывных устройств в целях причинения смерти многим лицам, личности которых не определены заранее, и устрашения окружающих в отсутствие умысла террористической либо экстремистской направленности» (положение №1, выносимое для публичной защиты). Думается, что методологически это неверно.

Определяя теорию и методологию рецензируемого исследования, полагаем, следовало исходить из того, что термин «скулшутинг» применим исключительно к преступлениям террористической и экстремистской направленности. Данное исходит из употребления в качестве синонимов «Колумбайн» и «Скулшутинг» (решением Верховного Суда Российской Федерации (от 02.02.2022 г.), а также соотношения терминов «экстремизм» и «терроризм» как целого и его части (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024) "О противодействии экстремистской деятельности").

5. В положении №4, выносимом для публичной защиты, приводятся результаты конкретного криминологического исследования профилей личности виновных, что представляет несомненный теоретико-прикладной интерес. Одновременно, акцентируется внимание на том, что эти признаки формируют образ «российского скулшутера». По тексту неоднократно встречается упомянутое словосочетание (с. 15, 77, 96, 154 дисс.).

Желательно, чтобы в ходе публичной защиты автор пояснил необходимость введения в криминологический оборот термина «российский скулшутер», который черты личности преступника, судя логике размышлений диссертанта, связывает со страной совершения преступления.

6. В положении № 6, выносимом для публичной защиты, указывается на потребность в расширении сферы уголовно-правовой охраны жизни человека дополнением «Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 105¹, предусматривающей ответственность за организацию и осуществление

деятельности, направленной на публичные призывы, публичное оправдание и пропаганду совершения массовых убийств», соответствующий проект федерального закона прилагается (приложение №3, с. 133, 156дисс.). Между тем, данная мысль на страницах диссертации приводится без какой-либо аргументации, обращения к статистическим данным, убеждающей в криминологической обоснованности нового уголовно-правового запрета.

Законодательство содержит ответственность на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205.2 УК РФ), а также за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Именно по этим статьям могут быть квалифицированы случаи публичных призывов к массовым убийствам в образовательных организациях, в том числе в связи с признанием в 2022 году «Колумбайн» террористической организацией, а также отнесением коллектива образовательной организации к малой социальной группе, что охватывается признаком экстремизма.

Оправдание и пропаганда массовых убийств для сведения личных счетов явление, если и встречающееся, то крайне редкое. Поэтому, считаем предложение автора излишним.

7. Сложно согласиться с предложением автора о необходимости в целом использовать зарубежный опыт в предупреждении скулшутинга. В частности, за счет средств ассигнований федерального бюджета поручить специалистам разработать мобильное приложение по аналогии с приложением Safe2Tell, используемого в США, посредством которого любой желающий анонимно может сообщать об угрозах скулшутинга» (положение №6, выносимое для публичной защиты).

Следует, во-первых, оценить особенности разграничения этих случаев с заведомо ложным сообщением об акте терроризма, а с другой, что ещё более важно - не спровоцирует ли эта мера в условиях роста социальной напряженности панику или и без того повышенный интерес детей (молодежи) к

теме агрессивных девиаций, что само по себе может иметь крайне негативные последствия.

Уходу от рисков в педагогическом воспитании, особенностям возраста и правильной социальной адаптации детей и молодежи, а также этнопсихологической самобытности населения нашей страны посвящено множество работ авторитетных отечественных психологов, среди которых: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов, А.Е. Личко. Надеемся, что автор воспользуется ими при ответах на сформулированные замечания.

Указанные нами замечания, носят частный характер, и не могут повлиять на положительную оценку диссертационного исследования в целом.

Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

Таким образом, исходя из текста диссертации и основанного на нем автореферата, можно сделать вывод о том, что диссертация Юлии Валерьевны Суходольской представляет собой самостоятельное творческое, монографическое исследование, которое можно считать завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки уголовного права и криминологии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, изложенным в абз. 2 п. 9 и п. 10-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Юлия Валерьевна Суходольская – заслуживает присуждения искомой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Список источников

1. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности» // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2022. С. 248-256.

2. Антонян Ю.М. Причины убийств. М.: Юрлитинформ, 2023. 328 с.
3. Антонян Ю.М. Убийства. Криминологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2022. 296 с.
4. Асмолов А.Г. Миры и смыслы Александра Асмолова (беседа с ученым) // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 1. С. 128-136.
5. Карпец И.И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994. 352 с.

REFERENCES

1. Koretsky D.A., Steshich E.S. Criminal law aspects of preventive activity in the context of the “new normality” // Bulletin of Tomsk State University. Tomsk, 2022. S. 248-256.
2. Antonyan Yu.M. The reasons for the murders. M.: Jurlitinform, 2023. 328 p.
3. Antonyan Yu.M. Murders. Criminological study. M.: Jurlitinform, 2022. 296 p.
4. Asmolov A.G. The worlds and meanings of Alexander Asmolov (conversation with the scientist) // Cultural and Historical Psychology. 2024. T. 20. No. 1. P. 128-136.
5. Karpets I.I. An investigation (notes of the head of the criminal investigation department). M., 1994. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стешич Елена Сергеевна, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, доцент, Академия управления МВД России. 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Elena S. Steshich, Professor of the Department of Management

of Crime Investigation Agencies, Doctor of Law, Associate Professor, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. Заявляю об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией

данной статьи в журнале “Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России”. Разрешаю размещение полнотекстовой версии статьи, а также её частей в открытом доступе в сети Интернет, а также на официальных каналах журнала в социальных сетях. При создании статьи / части статьи не использовались возможности искусственного интеллекта».

Ф.И.О. субъекта персональных данных

подпись

05.07.2024